

«Люди забыли, что нужно бояться...»

Русская мысль Интервью с Нехамой Лифшиц
— Париж. — 1998. — 28 мая — 31 июля. — с. 16

Шесть лет назад Нехамма Лифшиц приезжала в Литву. Но поездка не доставила радости: на Каунасском кладбище слишком много знакомых могил, воспоминания не отпускали. Год назад "Новое еврейское музыкальное общество" пригласило певицу провести мастер-класс в Петербурге. Этой зимой Нехамма выступала с ансамблем "Мицва" в Консерватории и в Доме ученых.

Нехамма Лифшиц одна уезжала на родину предков ранним весенним утром 1968 года из чужой квартиры на улице Дмитрия Ульянова. И вот 30 лет спустя она приехала в Москву, чтобы дать всего два концерта.

А в 1958 году в Театре Эстрады проходил конкурс молодых исполнителей, и в зале сидел Леонид Утесов. Когда на сцену вышла крошечная, миниатюрная Нехамма Лифшицайте из Литвы и запела на идиш, Утесов привстал, подался вперед, так и простоял, пока она не ушла со сцены. Жюри сомневалось, можно ли присудить первое место певице, для которой родной язык — идиш. Но Утесов и Ирма Яунзем "сказали свое веское слово", и Нехамма поделила первое место с исполнительницей русских народных песен. Тогда она дала в Москве 15 концертов. Ее песни собирали полные залы по всей стране.

Позже начались вызовы, допросы. Прозвучал вопрос: "Не хотите ли уехать?" Выбирать место дальнейшего проживания пришлось между Воркутой и Тель-Авивом. Ей одной из семьи удалось получить разрешение на выезд. "Не будем держаться за ручки, как в гетто, — сказал отец. — Кому удалось вырваться, должен бежать".

— На каком языке вы говорили в детстве?

— Мои родители из Вильнюса, но после погромов в Первую Мировую войну они бежали в Каунас. В детстве я ходила гулять по центральной аллее в Каунасе и слышала вокруг идиш и иврит, в городе жило около 500 тысяч евреев. Дома я говорила на идиш с мамой и бабушкой, а в школе и с папой — на иврите. Когда родители хотели, чтобы я их не понимала, они общались по-русски.

Началась война. Она быстро докатилась до Литвы. И уже 23 июня мы уехали из города на пожарной машине. Попали в подмосковную деревню. Я тогда знала по-русски только "здравствуйте". Испугавшись снега, мы отправились в Ташкент. Там беженцы умирали, как мухи. Папу направили в кишлак врачом. Там я выучила узбекский. Когда я впервые встретилась с израильтянами в 1958 году, они со мной говорили на моем родном иврите, я им отвечала на узбекском.

— Как складывалась ваша жизнь после войны?

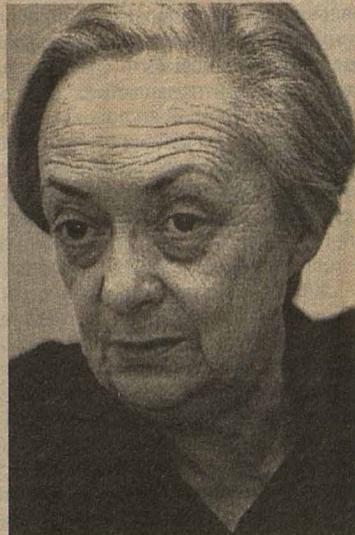
— После войны мы вернулись в Каунас и нашли город вымершим. Прежде со мной в классе училось 40 ребят, из них одна осталась в живых. В 1944 году всех детей из гетто, кому не было 16 лет, собирали, и что с ними стало дальше, никто

никогда не узнал. У меня было чувство вины за то, что я всего-то и пережила, что голод в Узбекистане во время войны.

Потом в Каунасе меня приняли в консерваторию. Я работала в еврейском детском доме. Как-то к нам приезжали актеры из театра Михозлса, и я перед ними пела. Меня пригласили в студию. Но пришел старый еврей и отговорил — сказал, что время ненадежное, лучше уж закончить консерваторию. Я так плакала... А через полгода плакала, потому что убили Михозлса. С 1951 года я пела в Литовской филармонии. Потом исполняла ведущие партии в Каунасском театре. Мечта моя была спеть "Чио-Чио-Сан", там мне не мешало то, что я маленькая. Начала репетировать, вдруг услышала, как певица, моя достаточно близкая подруга, сказала на лестнице: "До каких пор эта жидовка будет забирать основные партии?" И я положила клавиры и никогда больше не приходила в театр. Но на очередном спектакле публика сдала билеты: оказалось, ходили слушать меня.

— Вы были "выездной"?

— После победы на конкурсе меня отправляли с делегациями в Париж, Вену; нужно было показать, что в СССР есть еврейская культура. В начале марта 1953 года мы отмечали Пурим. Во время этого праздника случаются всякие чудеса, и вот

в этот день умер "вождь всех времен и народов". Вскоре в моем репертуаре появились песни на идиш.

Каждую песню на идиш приходилось давать цензуре. Одна из них заканчивалась фразой "Шма Израэль!", которую любой еврей говорит и утром, и вечером, ложась спать; так говорил еще Моисей. И кто-то ее перевел как "Услышь меня, государство Израиль". В этом усмотрели крамолу. Вот тогда-то меня вызвали и спросили: "Может, уедешь?.."

— Как вас встретили на родине предков?

— В Израиле я сразу начала выступать. Но это маленькая страна, тут не приходится переезжать из города в город, как в СССР. В течение 8 лет я была директором тель-авивской музыкальной библиотеки.

— Что вам в Москве, в которой вы давно не бывали, бросилось в глаза?

— Поражает, что люди забыли, что нужно бояться. Еврейские ребята играют в метро еврейскую музыку, никто не говорит: "Я гусский, я украинец". Но я обязательно пойду на могилу Михозлса, на место захоронения евреев, убитых 12 августа 1952 года. Мне нужно это увидеть.

Вопросы:
ЮЛИЯ НЕМЦОВА

Москва